

История философии. Социальная философия

УДК 130.121

DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-10-27

Г.Э. Лессинг как философский теолог

Людмила Э. Крыштоп

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия,

kryshstop-le@rudn.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению философско-теологических взглядов Г.Э. Лессинга. Именно в немецком Просвещении зарождается и начинает активно развиваться то, что сегодня мы называем философской теологией. В выраженном виде это понятие было сформулировано И. Кантом. Ему же принадлежит краткое, но глубокое по своему существу описание сущности философской теологии и ее функций, а также основных ее отличительных черт от теологии библейской. Кант обращает внимание при этом на свободу, характерную для философского теолога, но подчеркивает также, что результаты философско-теологических изысканий должны предлагаться библейским теологам в качестве рекомендаций, но не в качестве навязываемых истин. Аналогично и библейская теология должна предоставлять философской теологии свободу в рассмотрении, но сама должна стоять на страже спасения душ вверенной паствы. В рамках философии И. Канта такой подход основывается на предлагаемом им разделении на частное и публичное применение разума. Однако мы видим, что Кант в этом отношении укоренен в предшествующей ему философско-теологической традиции. Не в меньшей степени философским теологом можно считать Г.Э. Лессинга. Несмотря на то что сам Лессинг в данном случае не пользуется этим понятием напрямую, его позиция по вопросам религии и веры и их философского осмысления здесь полностью совпадает с кантовской. Особенно ярко это прослеживается в состоявшемся споре между ним и представителем лютеранской ортодоксии И.М. Гёце в рамках одной из наиболее интересных и оживленных дискуссий немецкого Просвещения, а именно «спора о фрагментах». В статье подробно рассматриваются основные этапы развития данной дискуссии, а также позиции сторон. В итоге автор статьи приходит к выводу о том, что защищаемая в рамках этой дискуссии Лессингом позиция может быть охарактеризована как философская теология.

Ключевые слова: философская теология, Кант, Лессинг, немецкое Просвещение, спор о фрагментах

© Крыштоп Л.Э., 2023

Для цитирования: Крыштон Л.Э. Лессинг как философский теолог // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 3. С. 10–27. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-10-27

Lessing as a philosophical theologian

Ludmila E. Kryshstop

*Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russia, kryshstop-le@rudn.ru*

Abstract. The article concerns philosophical and theological views of G.E. Lessing. It was in the German Enlightenment that what today we call philosophical theology was born and began to actively develop. This concept was formulated in its expressed form by Kant. He also owns a brief but profound description of the essence of philosophical theology and its functions, as well as main features distinguishing it from biblical theology. Kant draws attention here to the freedom as an essential characteristic of a philosophical theologian, but also emphasizes that the results of philosophical research should be offered to biblical theologians as recommendations, but not as imposed truths. Likewise, biblical theology must give philosophical theology freedom of consideration, but must itself stand guard over the salvation of the souls of its entrusted flock. Within the framework of the philosophy of I. Kant, such an approach is based on the division he proposes between the private and public use of reason. However, we see that Kant for that matter is rooted in the philosophical and theological tradition that preceded him. No less a philosophical theologian can be considered G.E. Lessing. Despite the fact that Lessing himself herein does not use the concept directly, his position on issues of religion and faith and their philosophical understanding on that completely coincides with Kant's. It can be seen especially clearly in the dispute that took place between him and Goeze in the framework of one of the most interesting and lively discussions of the German Enlightenment, namely the *Fragmentenstreit*. The article considers in detail the key stages of development of the discussion, as well as the positions of the parties. As a result, the author of the article comes to the conclusion that the discussion position defended by Lessing can be characterized as philosophical theology.

Keywords: philosophical theology, Kant, Lessing, German Enlightenment, *Fragmentenstreit*

For citation: Kryshstop, L.E. (2023), "Lessing as a philosophical theologian", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, pp. 10–27, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-10-27

Сегодня в России, как, впрочем, и за рубежом, активно развивается философская теология. У этого названия, равно как и у самой философской теологии согласно ее существу, имеются как ярые сторонники, так и не менее ярые противники (прежде всего со стороны теологии церковной и философии). В этой статье мне хотелось бы остановиться на конкретном историко-философском сюжете из истории становления философской теологии (а то, что она имеется и во вполне развитом виде сегодня представлена, вряд ли смогут подвергнуть сомнению даже наиболее ярые ее противники, настаивающие на ее нелепости, абсурдности и неуместности). Этот сюжет, на наш взгляд, является тем более интересным, что позволяет немного оттенить то первоначальное понимание философской теологии, которое вкладывалось в него еще пару столетий назад. А это, в свою очередь, могло бы сослужить добрую службу и в современных дискуссиях¹, помогая понять, в чем современная философская теология верна той своей первоначальной интенции, а в чем, возможно уже давно, от нее далеко отклонилась.

В центре нашего внимания при этом окажется философское творчество и судьба Г.Э. Лессинга, а конкретнее – роль Лессинга в зарождении и развитии одной из наиболее оживленных дискуссий немецкого Просвещения, получившей эвфемическое название «спор о фрагментах». Но прежде чем мы погрузимся в этот сюжет, необходимо немного сказать об общем понимании философской теологии в то время. Это тем более важно, что сам Лессинг не употребляет такого термина. Более того, мы не находим у него прямого именованя себя как философского теолога. Однако характеристика его как философского теолога, на наш взгляд, является совершенно оправданной. И убеждает нас в этом то понимание философской теологии, которое менее чем через два десятилетия представляет нам И. Кант.

Кант о философской теологии

Несмотря на распространенность точки зрения, согласно которой в полностью сформулированном виде концепт философской теологии мы находим впервые только у Шлейермахера в его «Кратком изложении теологических занятий, предназначенном для

¹Пожалуй, наиболее полной работой на русском языке, посвященной рассмотрению философской теологии и дающей также общий обзор некоторых современных дискуссий вокруг философской теологии, можно считать недавно вышедшую в свет монографию [Шохин 2022].

вводных лекций» (1811), она не может считаться истинной. Уже теория Канта несколькими десятилетиями ранее прямо говорит о философской теологии. При этом у него это понятие, так же как и у Шлейермахера, наполняется определенным институциональным значением, связываясь с разделением полномочий разных университетских подразделений – философского и теологического факультета. При этом Кант не только достаточно подробно описывает особенности философской теологии и ее сущностные черты, но и дает достаточно четкое представление о ее функциях и задачах, а также – совершенно в духе своего критического подхода – о ее границах. Основным сочинением Канта, развивающим этот концепт, является «Религия в пределах только разума» (1793). Именно там мы видим прямое упоминание философской теологии и философских теологов, противопоставляемых теологии библейской и библейским теологам. Не менее интересной, и в этом отношении сходной по содержанию, является другая кантовская работа – «Спор факультетов» (1798).

Центральным для понимания сущности философской теологии у Канта является ее противопоставление теологии библейской. В отличие от последней, философская теология может пользоваться в своих изысканиях по вопросам веры и религии всем, в том числе и библейским текстом. Однако важно, что философская теология делает это полностью свободно (не будучи ограничена сама по себе никакими внешними нормами, навязываемыми со стороны библейской теологии) и исключительно для целей разума. Само такое понимание философской теологии или философского учения о религии (эти понятия здесь самим Кантом употребляются синонимично)² полностью соответствует названию работы – «Религия в пределах только разума». И не зря Кант помещает это лаконичное рассмотрение сущности и задач философской теологии в самом начале своей работы, предваряя ее основные четыре части.

Но не менее важным для Канта является вопрос возможного (и должного) взаимодействия философской и библейской теологии. Оно определяется совершенно однозначно. Философская теология может свободно заимствовать все что угодно у библейской теологии. Это ее неотчуждаемое право. Но она ничего не может вносить в библейскую теологию. И в данном случае Кант, по сути, прямо санкционирует цензурирование философских размышле-

²См.: *Kant I. Die Religion innerhalb der Grenzen der bloßen Vernunft* // Kant I. *Gesammelte Schriften*. Bd. 6. Berlin: Georg Reimer, 1914. S. 10; *Кант И. Религия в пределах только разума* // Кант И. *Собр. соч.*: В 8 т. / Под ред. А.В. Гулыги. Т. 6. М.: ЧОРО, 1994. С. 13.

ний по вопросам религии со стороны библейской теологии и теологического факультета соответственно. Именно теологическому факультету в вопросе цензурирования отводится приоритетное место, которое Кант не только не оспаривает, а даже его обосновывает. По мысли Канта, само представление о цензуре подразумевает наличие четко определенного учения, с позиции которого эта цензура может производиться. Такое учение есть у библейских теологов. Именно поэтому они могут производить цензурирование в строгом смысле слова, если видят, что это учение нарушается. У философов же, так как они производят свободное исследование, в принципе не может быть никакого четко определенного учения, которое могло бы нарушаться. Следовательно, и никакой цензуры философский факультет осуществлять не может³.

В то же время это цензурирование должно само по себе иметь свои границы. И в данном случае мы переходим уже к обсуждению того, что и в самой библейской теологии Кант выделяет две разные стороны – спасение душ и спасение наук. Библейский теолог, основываясь на библейском тексте и его официальной церковной интерпретации, может сам выступать в двух ипостасях – как собственно духовное лицо и как ученый в рамках теологического факультета. Первый путь – непосредственное служение, забота о пастве, тогда как второй – являясь членом публичного сообщества, должен следить за тем, чтобы притязания первого на сохранение церковного вероучения не наносили ущерба науке. И именно этому второму – библейскому теологу в роли ученого – и должна принадлежать верховная цензура⁴. В итоге мы видим многоступенчатую схему. Философские изыскания могут цензурироваться со стороны теологического факультета, но только в том случае, если они выходят за рамки сферы своих полномочий и пытаются что-то навязывать теологическому факультету. Сама библейская теология также должна цензурироваться, но ни в коем случае не со стороны философского факультета, а изнутри, т. е. цензурировать саму себя, заботясь о том, чтобы не выходить за свои собственные границы.

Кантовское разделение функций между философским и теологическим факультетом при рассмотрении вопроса толкования Священного Писания и в еще большей степени выделение разных ролей в работе библейского теолога тесно переплетается с проведением различия между публичным и частным применением разума, а также вопросом о возможности и необходимости ограничения свободы в процессе просвещения. Эта тема прямо затрагивается в

³См.: Ibid. S. 9; Там же. С. 12.

⁴См.: Ibid. S. 11; Там же. С. 8.

кантовской небольшой статье «Ответ на вопрос: что такое просвещение?» (1784). Позиция Канта здесь весьма диалектична. В целом он полагает, что для просвещения общества (в необходимости и ценности которого Кант не сомневается) необходима свобода. Но на эту свободу Кант налагает ограничение. Свобода, и притом полная, возможна только в публичном применении разума, т. е. таком, «которое осуществляет кто-то, например, *ученый*, [обращаясь ко] всей *читающей публике*»⁵. Но от публичного применения разума Кант четко отличает частное применение разума, т. е. такое, «когда он может пользоваться своим разумом на определенном, доверенном ему *гражданском* посту или службе»⁶. Именно частное применение разума характерно для солдата, выполняющего приказ командира, а также для священнослужителя, читающего проповедь членам вверенной ему церковью общины. И оно «нередко должно быть очень ограниченным»⁷, что связано с необходимостью поддержания единства и целостности общества и предотвращения его распада. Но те же самые лица вне своей официальной службы могут и должны иметь возможность свободно высказывать свои взгляды и мнения по самым разнообразным вопросам, в том числе и по вопросам, попадающим в сферу их ведения. По сути, речь идет о том, что пока человек находится на своем посту (например, священник, читающий проповедь), он вынужден доносить до своих слушателей именно те истины, которые официально одобрены церковью, поставившей его на служение. Однако когда тот же самый человек не находится «при исполнении», он должен иметь право свободно высказывать свои мысли, надеясь, что когда-нибудь они смогут помочь в реформировании и улучшении сферы его обязанностей (в частности, в улучшении определенных аспектов церковного вероучения). Но до тех пор, пока эти изменения не будут официально утверждены, такой человек, выступая не как ученый, а как определенное «должностное» лицо, не имеет права отходить от вверенного ему учения.

При сопоставлении этого разделения на две сферы в деятельности библейского теолога, который может выступать как пастор и как ученый, и разделением функций между теологическим фа-

⁵*Kant I.* Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung? // Kant I. *Gesammelte Schriften*. Bd. 8. Berlin, Leipzig: Walter de Gruyter, 1923. S. 36–37; *Кант И.* Ответ на вопрос: что такое просвещение? // Кант И. *Сочинения на русском и немецком языках* / Под ред. Н.В. Мотрошилова, Б. Тушлинг. Т. 1. М.: Фирма АО Kami, 1993. С. 131–133.

⁶*Ibid.* S. 37; Там же. С. 133.

⁷*Ibid.* S. 36; Там же. С. 131.

культетом в целом и философским мы приходим к интересному выводу. По сути, за философским факультетом Кант резервирует полную свободу, воспринимаемую как сущность самого философского рассмотрения. Но интересен не только этот кантовский вывод, но и его обоснование. А оно предельно просто – философ не может навязывать свое мнение теологу и не может пытаться принудить кого бы то ни было его принимать (в том числе и сторонников той или иной религии). Философия по своей природе свободна. Но это означает не только то, что никто не имеет права ограничивать свободу философского рассмотрения чего бы то ни было, но также и то, что философия сама по себе не связана ни с каким должностным положением и не имеет сама никакого инструментария для принуждения кого бы то ни было к чему бы то ни было и навязывания своих выводов другим. Свобода философии – это не только отрицание внешнего давления на философию, но и отказ от давления самой философии на других.

Лессинг и «спор о фрагментах»: предыстория зарождения дискуссии

Дискуссия, известная сегодня как «спор о фрагментах», получила свое название в честь публикации Лессингом небольшой части скандального для того времени сочинения Г.С. Реймария «Апология, или Сочинение в защиту разумных почитателей Бога». Данное название сам Лессинг озаглавил «Фрагменты неизвестного». Спор о фрагментах имеет огромное значение для рассмотрения теологических взглядов Лессинга. Хотя мы и можем говорить о его позиции в отношении религии и в отрыве от дискуссии, развернувшейся по поводу опубликованных Лессингом фрагментов Реймария, она все же способна открыть нам новые важные нюансы. Кроме того, сложно не учитывать также и то, что основные для Лессинга сочинения, выражающие его взгляды на веру и религию, а также их появление так или иначе связаны с ходом этого спора. Это как основные его полемические работы, направленные на опровержение обвинений И.М. Гёце, которые сегодня мало известны вне круга узких специалистов, так и его всем известные печатные сочинения. Так, его сочинение «Воспитание человеческого рода» (одно из основных сегодня рассматриваемых философско-теологических сочинений Лессинга) выходило двумя частями. Первая часть (§ 1–53) была издана в 1777 г. в составе опубликованных «Фрагментов неизвестного» (еще до написания известной лессинговской поэмы «Натан Мудрый», сегодня часто рассматриваемой в контексте

изучения его теологических взглядов), тогда как вторая (§ 54–100) вышла в свет уже позже – в 1780 г. [Strohschneider-Kohrs 1994, S. 281]. Также и сама поэма «Натан Мудрый» во многом явилась ответом на последствия развернувшегося спора, выразившегося в том, что Лессинга лишили его прежней неприкосновенности перед цензорами и обязали публиковать что бы то ни было только после разрешения со стороны правительства Брауншвейга, что и вынудило его обратиться к театру как еще одному оружию его борьбы. Эти моменты сегодня нередко полностью выпадают из поля зрения, однако они крайне важны как для лучшего понимания теологической позиции Лессинга, так и для изучения просветительской теологии немецкого Просвещения в целом. Остановимся несколько подробнее на деталях этого спора.

Определяющим моментом для последующего зарождения спора о фрагментах стал май 1770 г., когда Лессинг выразил согласие покинуть поприще вольной журналистики и начать работать в качестве библиотекаря в известной библиотеке герцога Августа в Вольфенбюттеле. 13 февраля 1772 г. решением герцога Брауншвейга он был освобожден от цензурирования его работ, однако при одном условии – что он никогда не будет писать ничего, что было бы направлено против христианской веры. Лессинг достаточно быстро освоился на новом месте и уже через два года начал публиковать различные манускрипты из собраний вверенной ему библиотеки. Данная серия публикаций носила общее название «История и литература: из сокровищ герцогской библиотеки Вольфенбюттеля» (*Zur Geschichte und Literatur: aus den Schätzen der Herzoglichen Bibliothek zu Wolfenbüttel*). Именно в рамках этой серии Лессингом и были опубликованы самые первые фрагменты сочинения Реймария, которые в его распоряжение предоставили дети Реймария – Иоганн Альберт и Элиза.

Изначально Лессинг опубликовал только один фрагмент. Этот фрагмент был посвящен веротерпимости по отношению к деистам. Он был написан в ключе апологии естественной религии и содержал прямое осуждение двух важных для того времени тенденций. Во-первых, критике подвергалось отождествление деистов с атеистами и безбожниками. Само по себе это явление крайне примечательно и действительно было распространено еще в то время. Наиболее известной жертвой такого отождествления был Спиноза, который нередко фигурировал в философских и теологических работах того времени как «безбожник». Другой важной мишенью впоследствии станет сам Лессинг в рамках другой, не менее оживленной дискуссии немецкого Просвещения – «спора о пантеизме». Во-вторых, Реймарий прямо осуждал использование церковными

властями инструментария властей светских в своей борьбе с иноверцами, в том числе и с деистами. По его мнению, такой стовор недопустим и противоречит не только разуму, но и основаниям христианской веры [Крыштоп 2020, с. 294–295]. Видимо, именно на это изначально и рассчитывал Лессинг, полагая, что принятие первой, крайне незначительной части фрагментов облегчит потом публикацию второй части, уже гораздо более критической по отношению к христианству как таковому.

Вторая часть фрагментов носила гораздо более критический по отношению к христианству характер. Также она была значительно больше по объему. Лессингом были отобраны пять новых фрагментов, которые касались самых различных аспектов иудео-христианской традиции. Основными идеями, здесь развиваемыми, были невозможность всеобщего божественного откровения, филологическая и историческая критика библейского повествования о переходе евреев через Красное море, а также общий вывод о том, что Ветхий Завет не может являться богодухновенным текстом. Но наиболее скандальным был фрагмент, посвященный учению о воскресении Иисуса Христа. По мысли Реймария, воскресения не было, и апостолы специально придумали его для укрепления позиций новой, ими проповедуемой религии, которая в целом не имела прямого отношения к религии Иисуса. Последняя же представлялась как исключительно чистая моральная религия [Крыштоп 2020, с. 285–295]. Эта порция фрагментов не могла пройти незамеченной и вызвала бурную реакцию, прежде всего со стороны лютеранской ортодоксии, представителем которой и был Иоганн Мельхиор Гёце.

«Спор о фрагментах»: Гёце vs. Лессинг

Критика, высказываемая Гёце, сама по себе была важна и показательна для общего противостояния лютеранской ортодоксии и теологии Просвещения в то время в Германии [Allison 1966, p. 107, 110]. Но не менее важна его роль и в другом аспекте. Гёце не был ни единственным, ни даже первым, кто выступил с резкой критикой опубликованных фрагментов [Allison 1966, pp. 101–107]. Но мишенью остальных критиков был анонимный автор и само содержание опубликованных фрагментов. Критика же Гёце была направлена непосредственно на Лессинга, эти фрагменты опубликовавшего⁸.

⁸Тошимаса Ясуката отмечает, что у Гёце в данном случае могли быть и причины личного характера, побудившие его направить острие своей критики именно непосредственно на Лессинга [Yasukata 2002, pp. 42–44].

И именно его сочинения стали переломными, обратив всеобщее внимание на Лессинга, который, судя по всему, надеялся и в первой фазе спора о фрагментах действительно оставался как бы в тени, играя роль стороннего незаинтересованного наблюдателя, который не имеет никакого отношения к этим фрагментам. Критика Гёце заставила и остальных задуматься над целым рядом вопросов: почему именно Лессинг опубликовал эти фрагменты и почему именно эти? Почему он просто их не оставил неизвестными для широкой публики? Какую цель при их публикации он преследовал? Сам Гёце при этом был уверен, что Лессинг, публикуя эти фрагменты, выступает в роли адвоката «неизвестного автора», тем самым с ним соглашаясь. Все это вынуждало Лессинга так или иначе на критику реагировать, сделав для него невозможной позицию стороннего наблюдателя⁹.

В то же время возбудить подобного рода вопросы было вовсе не сложно. Лессинг не только опубликовал данные фрагменты, но и высказал свою позицию по этому поводу. Эта позиция задумывалась как апологетика христианства. Соответствующий раздел даже носил название «Опровержения издателя». По факту же эти сообщения ярко выражали лейтмотив радикального крыла теологии Просвещения, порождением которого и был во многом сам Реймарий. Хотя они и представляли попытку Лессинга отстоять христианство, однако это отстаивание было весьма специфического рода и с позиции лютеранской ортодоксии расценивалось как не менее яростная и в чем-то даже более опасная, чем сами опубликованные фрагменты, его атака [Allison 1966, p. 107].

В своих «Опровержениях издателя» Лессинг пишет:

Кратко: буква – это не дух, а Библия – это не религия. Следовательно, возражения против букв и против Библии – это также не возражения против духа и против религии. Ибо Библия явно содержит больше, чем то, что надлежит религии: и это только лишь гипотеза, что она в этом большем также должна быть безошибочна. Также религия была прежде, чем была Библия. Христианство было прежде, чем писали евангелисты и апостолы. Прошло определенное время до того, как первый из них написал; и очень значительное, прежде чем сформировался весь канон. Следовательно, как бы много не зависело от этих писаний, но целостная истина религии не может покоиться на них. ...Религия истинна не потому, что ей учили евангелисты и апостолы,

⁹ В рамках этого спора Лессинг не только пытался оправдаться и выразить свою позицию более отчетливо, но пошел еще далее, опубликовав еще один фрагмент – «О цели Иисуса и его учеников», который и по сей день считается наиболее скандальным.

но они учили ей, так как она истинна. Письменные предания должны разъясняться из ее внутренней истины, и никакие письменные предания не могут придать ей внутреннюю истину, если она ее не имеет¹⁰.

Именно эти высказывания Лессинга Гёце подверг резкой критике, разобрав их пункт за пунктом. Воспроизведем лишь ключевые моменты этой полемики. Во-первых, Гёце, совершенно в духе традиционного христианского вероучения, подчеркивал, что буква неотделима от духа и буква и выражает дух. Соответственно, и Библия неотделима от религии и выражает религию. Нет духа без буквы, и абсурдно говорить о религии без Библии¹¹. Это приводило ко второму, не менее значимому тезису: невозможно говорить о существовании религии до Библии. Библия представляет собой Слово Божие, Божественное Откровение. Говорить о религии до Библии все равно, что утверждать, что религия была до Божественного Откровения. С точки зрения Гёце, это не просто глупо, но и абсурдно¹². В-третьих, невозможно также говорить о том, что Библия не исчерпывает всей истины. Истина есть не что иное, как воля Божия, выраженная в его слове. Таким образом, истина неразрывно связана с Библией и производна только от Библии. Если бы не было Библии, то и истина нам не была бы известна¹³. В-четвертых, совершенно неверно утверждать, что евангелисты и апостолы учили христианству, так как оно истинно. Они писали соответствующие библейские тексты, вдохновленные Святым Духом (т. е. самим Богом), соответственно, христианская вера истинна именно потому, что ей учили евангелисты и апостолы, или, другими словами, так как ей учит сам Бог посредством евангелистов и апостолов¹⁴.

В итоге мы видим ключевое расхождение между стратегиями защиты христианской веры. Лессинг пытается оправдать христи-

¹⁰ Lessing G.E. Theologische Schriften II. Gegensätze des Herausgebers // Lessing G.E. Werke. Bd. 7. München: Carl Hanser Verlag, 1976. S. 458–459.

¹¹ См.: Goeze J.M. Etwas vorläufiges gegen des Herrn Hofrats Lessings mittelbare und unmittelbare feindselige Angriffe auf unsre allerheiligste Religion, und auf den einigen Lehrgrund derselben, die heilige Schrift // Lessing G.E. Werke. Bd. 8. München: Carl Hanser Verlag, 1979. S. 23–24.

¹² См.: Ibid. S. 25–26.

¹³ См.: Ibid. S. 26–28.

¹⁴ См.: Ibid. S. 28. На это возражение в «Аксиомах» Лессинг дает следующий предельно ясный и однозначный ответ: «Даже то, чему учит Бог, истинно не потому, что этому хочет учить Бог, но Бог учит этому потому, что это истинно» (см.: Lessing G.E. Axiomata // Lessing G.E. Werke. Bd. 7. München: Carl Hanser Verlag, 1976. S. 149).

анство, показывая, что в нем заложено нечто истинное само по себе. И именно этого истинного нам и надо держаться. То же, что можно легко подвергнуть критике (в частности, и такой радикальной, как у автора опубликованных им фрагментов), на самом деле не является сущностно важным для христианства, это легко можно и вовсе отбросить. Вывод Лессинга предельно прост – нам необходима определенная интерпретация христианского вероучения, проводимая с позиции апелляции к универсальной истине. Для Гёце же само разделение истины универсальной и истины христианского учения и библейского текста не имеет смысла. Истина есть Бог. И она становится нам известна впервые и только благодаря божественному откровению, т. е. тому, что сам Бог нам о себе сообщает. И она дается в Библии и только в ней.

Не менее интересен и вывод Гёце, в котором он, хоть и косвенно, но подает повод для важного вопроса – почему Лессинг решил эти скандальные фрагменты опубликовать? Гёце заканчивает свое небольшое сочинение следующими словами: «Я желаю, чтобы господин издатель смог предоставить нам из сокровищниц вверенной ему библиотеки в будущем нечто лучшее, чем яд и огорчения»¹⁵.

«Спор о фрагментах»: Лессинг vs. Гёце

В качестве ответа на эти выпады Гёце Лессинг написал свое сочинение «Аксиомы» с подробным рассмотрением каждого возражения Гёце, а также небольшое предваряющее сочинение «Притча». Изначально оно должно было состоять всего лишь из двух частей – «Притча» и «Просьба». Однако пока Лессинг писал эти две части, Гёце издал вторую часть своего сочинения «Нечто предварительное». Прочитав его, Лессинг написал третью часть – «Отказ» – и опубликовал все части вместе в одном издании.

Язык Лессинга, особенно в первой части, очень метафоричен. Однако в этом случае значение лессинговских метафор вполне прозрачно. В приводимой Лессингом притче речь идет о великолепном дворце (творении Бога), наполненном светом и мудростью внутри, который излучает красоту и гармонию вовне, распространяя ее на все королевство. Однако этот дворец оснащен лишь немногими окнами, что делает совершенно непонятным, как он может быть столь светлым внутри, если в нем так мало окон. К тому же в нем очень запутанные коридоры. В итоге совершенно невозможно воссоздать его план. Однако многие архитекторы неустанно спорят об этом

¹⁵ Goeze J.M. Etwas vorläufiges gegen des Herrn Hofrats Lessings... S. 29.

плане и каждый считает, что его план верен. Однажды ночью сторожевой поднял тревогу, так как во дворце вспыхнул пожар. Все кинулись спасать не сам дворец, а каждый свой план этого дворца. Никто не мог договориться, где же огонь и как его лучше потушить. В итоге, если бы пожар действительно был, дворец успел бы сгореть, пока они спорили. В образе этих архитекторов без особых сложностей угадывается образ лютеранских ортодоксов, которые спорят о значениях давно непонятных символов, теряя из виду при этом главное. Те же немногие в королевстве, кто осмеливался утверждать, что план дворца вовсе не важен, достаточно того, что он прекрасен и излучает красоту на всю страну, подвергались в королевстве осуждению¹⁶. Под этими немногими, судя по всему, Лессинг имел в виду себя и Реймария, и подобных теологов Просвещения, которые старались не пренебрегать внутренней истиной в угоду историческим наносным деталям.

Не менее интересно, и для нашего исследования более важно, содержание «Просьбы». Здесь Лессинг предлагает свое собственное объяснение того, почему он все же предпочел издать эти скандальные, отравляющие фрагменты, опасные для христианской веры. Объяснение Лессинга основано на разделении функций его как библиотекаря и Гёце как пастора. И для разъяснения этого различия Лессинг также приводит красочный образ – ботаника и пастуха. Пастух интересуется травами, но только в той мере, в которой они нужны для поддержания жизни его овец. Именно поэтому для пастуха принципиально важен вопрос о воздействии трав на его овец, важно, чтобы травы не были ядовиты, не были опасны для них. Ботаник же интересуется травами самими по себе и радуется, если ему удастся найти новую, еще ранее неизвестную траву. И он стремится сделать свое открытие известным широкой публике, независимо от того, идет ли речь о ядовитой или безопасной траве. Этим различием можно объяснить и разную реакцию на опубликованные фрагменты со стороны Гёце и Лессинга. Гёце прежде всего задается вопросом о их воздействии на его паству. Лессинг же заботится прежде всего о том, чтобы то, что он нашел и что еще ранее не было известно, стало известно публике¹⁷. В конечном счете

¹⁶ См.: *Lessing G.E. Theologische Schriften II. Eine Parabel* // *Lessing G.E. Werke. Bd. 7. München: Carl Hanser Verlag, 1976. S. 118–120.*

¹⁷ То же самое объяснение Лессинг представляет и в другом сочинении – «Анти-Гёце». Здесь же он неоднократно подчеркивает, что ни в коем случае не является ни адвокатом, ни сторонником Реймария (см.: *Lessing G.E. Anti-Goeze* // *Lessing G.E. Werke. Bd. 8. München: Carl Hanser Verlag, 1979. S. 244–249*). Лессинг специально подчеркивает: «Ибо я

просьба Лессинга заключается в том, чтобы Гёце не вмешивался в его работу как библиотекаря, как и он сам не имеет никакого желания вмешиваться в работу Гёце как пастора¹⁸.

Фактически эта часть была написана очень сдержанно и в каком-то смысле даже содержала своеобразное оправдание Гёце и его критики. Гёце, выступая как пастор, имеет полное право писать то, что он пишет. Его позиция оправдана и имеет свое основание в возложенных на него функциях. Сам по себе такой подход Лессинг не критикует. Единственное, о чем он настоятельно просит, не выходить за рамки своей непосредственной пасторской работы и пасторской заботы о спасении душ верных и не вмешиваться в его работу библиотекаря, суть которой Лессинг видит в обнаружении ранее неизвестных ценных с интеллектуальной точки зрения сочинений. И в данном случае мы снова сталкиваемся, по сути, с тем же разделением сфер обязанностей, что и у Канта. Кант говорит о библейском теологе и теологе философском, Лессинг же – о пасторе (пастухе) и библиотекаре (ботанике). Суть остается та же. Пастор не должен вмешиваться в деятельность библиотекаря, ограничивая его в работе и исполнении своих непосредственных обязанностей. Однако и библиотекарь не должен вмешиваться в работу пастора.

Третья часть – «Отказ» – полностью соответствует своему названию и пишется Лессингом в более агрессивной и саркастической манере. Лессинг в прямом смысле вызывает Гёце на интеллектуальный поединок, призывая его писать так много, как он только может, но и давая клятву, что он никогда больше не будет держать пера, если согласится с тем, в чем на самом деле Гёце не прав¹⁹. Именно в этот момент Лессинг видимо решил не сдаваться и вести борьбу, не только защищая себя и «неизвестного» автора, но также и сражаясь за истину. К сожалению, последствия этого поединка были для самого Лессинга весьма неприятны. Гёце апеллировал к властям, в результате чего Лессинга лишили его

нигде не говорил, что я считаю дело моего безымянного [автора], так как оно представлено, благим или истинным. Я никогда этого не говорил, напротив, я говорил как раз обратное. Я говорил и показывал, что даже если безымянный прав и в столь многих отдельных пунктах, то в целом из этого все же не следует то, что он, как кажется, хочет, чтобы из этого следовало» (Ibid. S. 245). Напротив, он публикует эти фрагменты для того, чтобы как можно больше людей могли их исследовать и опровергнуть (см.: Ibid. S. 160).

¹⁸ См.: Lessing G.E. Theologische Schriften II... S. 120–124.

¹⁹ См.: Ibid. S. 124–127.

цензорских привилегий. Но будучи ограничен в своей свободе в прямой интеллектуальной борьбе в философско-теологических сочинениях, он перешел к борьбе иносказательной, на подмостках театральной сцены. Стоит также отметить, что с содержательной точки зрения наиболее значимыми являются первые сочинения, написанные в рамках этой полемики, как со стороны Гёце, так и со стороны Лессинга. Впоследствии оба автора достаточно быстро перешли к стилю личных оскорблений и выпадов в адрес друг друга [Yasukata 2002, p. 42]. Мы также не видим существенных изменений и добавления принципиально новых аргументов и контраргументов, а лишь переформулировки и более распространенные представления старых [Allison 1966, p. 107, 110, 120].

В этой полемике интересен и еще один аспект. В данном случае Лессинг явным образом выступает в качестве представителя достаточно радикального крыла теологии Просвещения. Свою основную задачу Лессинг видит в разведении внутренней истины религии (ее духа) и внешних форм ее выражения (буквы). Первая как раз и является универсальной, душеспасительной, абсолютно и безусловно необходимой, вечной и неизменной, т. е. наделяется по-прежнему всеми традиционными предикатами Истины как таковой (которая и есть Бог). Но вот ее внешнее выражение уже связывается непосредственно с измерением исторических фактов и культурных обусловленностей. Если это измерение и может рассматриваться в терминах истины, то такие фактичности могут претендовать только на случайную, само по себе не необходимую и временную истинность. Это разделение двух пластов Священного Писания восходит к середине XVIII в. и во времена Лессинга уже становится весьма устойчивым концептом в рамках просветительской теологии. Ее истоки принято усматривать в герменевтике С. Баумгартена, который, как считается, как раз в этом отношении испытал достаточно сильное влияние со стороны вольфианской традиции разделения истин на два класса (истины вечные и случайные), а также проведения принципиального различия между рациональным и историческим типами познания, отдавая абсолютный приоритет первому и значительно пренебрегая вторым [Крыштоп 2020, с. 280–309]. Именно это направление мысли здесь и представляет Лессинг. И именно в этом наиболее отчетливо прослеживается подход, который чуть позже Кант назовет «философской теологией». И как и в случае Канта, мы видим, что для Лессинга в понимании этого подхода были равно важны две части – отсутствие давления на философию при рассмотрении теологических вопросов со стороны церковных теологов и невмешательство философии в дела собственно теологические.

Заключение

Рассмотрение взглядов Лессинга на то, что мы, опираясь на данное несколько позже Кантом понимание, могли бы назвать философской теологией, интересно не только с точки зрения прояснения историко-философского контекста зарождения и развития этого понятия. Указание на некоторые аспекты изначального понимания философской теологии и особенностей занятия ею в немецком Просвещении способно и сегодня помочь нам разобраться в возникающих порой сложностях в понимании сути и задач этой дисциплины, а также ее границ. Последнее, как кажется, могло бы оградить философскую теологию от многих нападков, если бы она этих границ решила держаться.

С одной стороны, немецкие просветители очень хорошо показывают ту черту философского теологизирования, которая и сегодня воспринимается нередко как основная характеристика философской теологии – свободу, свободное применение разума в рассмотрении вопросов веры и религии. Именно в этом философская теология усматривает свое принципиальное отличие от просто теологии, связанной тем или иным церковным вероучением и находящейся как бы «на службе» у этого вероучения. Чаще всего в этом же усматривается и повод для гордости, так как церковная сестра в этом контексте воспринимается нередко как поработенная, занимающая подчиненное положение по отношению к вероучению, ограниченная в своих выводах и тем самым как бы превращенная лишь в инструмент, оружие апологетической борьбы.

С другой стороны, у немецких просветителей, и в частности у Канта и Лессинга, мы видим и еще один не менее важный аспект, который, возможно, современные философские теологи могли бы взять на вооружение. Сферы деятельности теолога философского и теолога церковного четко разделяются. Причем разделяются таким образом, что именно последнему отдается приоритетная роль в деле определения того, что может быть полезно, а что вредно для спасения души. Философские теологи могут лишь высказывать свои идеи с надеждой на то, что они смогут помочь в реформировании определенных аспектов церковного вероучения, но ни в коем случае не пытаясь принудить собственно теологов и священнослужителей с ними соглашаться и их принимать и не критикуя последних за нежелание это делать. Именно в ведении церковных теологов находится вопрос спасения души, который настолько важен, что не терпит никакой поспешности и опрометчивости. И не дело философских теологов вмешиваться в процесс исполнения этих обязанностей церковными теологами, выступающими в качестве пастырей вверенной им паствы.

Источники

- Кант И.* Ответ на вопрос: что такое просвещение? // Кант И. Сочинения на русском и немецком языках / Под ред. Н.В. Мотрошилова, Б. Тушлинг. Т. 1. М.: Фирма АО Kamі, 1993. С. 125–147.
- Кант И.* Религия в пределах только разума // Кант И. Собрание сочинений: В 8 т. / Под ред. А.В. Гулыги. Т. 6. М.: ЧОРО, 1994. С. 5–222.
- Goeze J.M.* Etwas vorläufiges gegen des Herrn Hofrats Lessings mittelbare und unmittelbare feindselige Angriffe auf unsre allerheiligste Religion, und auf den einigen Lehrgrund derselben, die heilige Schrift // Lessing G.E. Werke. Bd. 8. München: Carl Hanser Verlag, 1979. S. 21–29.
- Kant I.* Die Religion innerhalb der Grenzen der bloßen Vernunft // Kant I. Gesammelte Schriften. Bd. 6. Berlin: Georg Reimer, 1914. S. 1–202.
- Kant I.* Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung? // Kant I. Gesammelte Schriften. Bd. 8. Berlin, Leipzig: Walter de Gruyter, 1923. S. 33–42.
- Lessing G.E.* Anti-Goeze // Lessing G.E. Werke. Bd. 8. München: Carl Hanser Verlag, 1979. S. 160–256.
- Lessing G.E.* Axiomata // Lessing G.E. Werke. Bd. 7. München: Carl Hanser Verlag, 1976. S. 128–159.
- Lessing G.E.* Theologische Schriften II. Eine Parabel // Lessing G.E. Werke. Bd. 7. München: Carl Hanser Verlag, 1976. S. 117–127.
- Lessing G.E.* Theologische Schriften II. Gegensätze des Herausgebers // Lessing G.E. Werke. Bd. 7. München: Carl Hanser Verlag, 1976. S. 457–495.

Литература

- Крыштоп 2020 – *Крыштоп Л.Э.* Мораль и религия в философии немецкого Просвещения: от Хр. Томазия до И. Канта. М.: Канон+, 2020. 528 с.
- Шохин 2022 – *Шохин В.К.* Философская теология: вариации, моменты, экспромты. СПб.: Изд-во СПбДА, 2022. 512 с.
- Allison 1966 – *Allison H.E.* Lessing and the Enlightenment. His Philosophy of Religion and Its Relation to Eighteenth-Century Thought. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1966.
- Strohschneider-Kohrs 1994 – *Strohschneider-Kohrs I.* Lessing und Mendelssohn in ihrer Spätzeit // Moses Mendelssohn und die Kreise seiner Wirksamkeit / Hrsg. von M. Albrecht, E.J. Engel, N. Hinske. Tübingen, 1994. S. 269–290.
- Yasukata 2002 – *Yasukata T.* Lessing's Philosophy of Religion and the German Enlightenment. Lessing on Christianity and Reason. Oxford, New York: Oxford University Press, 2002.

References

- Allison, H.E. (1966), *Lessing and the Enlightenment. His Philosophy of Religion and Its Relation to Eighteenth-Century Thought*, The University of Michigan Press, Ann Arbor, USA.
- Kryshtop, L.E. (2020), *Moral' i religiya v filosofii nemetskogo Prosveshcheniya: ot Khr. Tomaziya do I. Kanta* [Moral and Religion in philosophy of German Enlightenment. From Chr. Thomasius to I. Kant], Kanon+, Moscow, Russia.
- Shohin, V.K. (2022), *Filosofskaya teologiya: variatsii, momenty, ekspromty* [Philosophical theology. Variations, moments, improvisations], Izd-vo SPbDA, Saint Petersburg, Russia.
- Strohschneider-Kohrs, I. (1994), "Lessing und Mendelssohn in ihrer Spätzeit", Albrecht, M., Engel, E.J. and Hinske, N. (eds.) *Moses Mendelssohn und die Kreise seiner Wirksamkeit*, Tübingen, S. 269–290.
- Yasukata, T. (2002), *Lessing's Philosophy of Religion and the German Enlightenment. Lessing on Christianity and Reason*, Oxford University Press, Oxford, New York, USA.

Информация об авторе

Людмила Э. Крыштон, доктор философских наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; kryshtop-le@rudn.ru

Information about the author

Ludmila E. Kryshtop, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia; bld. 6, Miklukho-Maklaya Street, Moscow, Russia, 117198; kryshtop-le@rudn.ru